

СВОБОДА КАК ФАКТОР ЕДИНСТВА ЧЕЛОВЕКА И УНИВЕРСУМА

В статье рассматриваются эвристические возможности синергетики в анализе проблемы объективных предпосылок свободы. Сведение содержания понятия свободы к высшим модусам человеческого и трансцендентного духа обедняет его, консервирует противопоставление человека и природы, хотя актуальным является поиск их единых онтологических оснований.

Синергетика применяется к пониманию самых разных явлений природы и мира человека. «Наша судьба и история мира пишется одной рукой», – это выражение из «Алхимика» П. Коэльо хорошо передает предмет синергетики, которая пытается выступить в различных модификациях, тех или иных положениях.

Синергетические представления возникли в лоне естественнонаучных моделей устройства мира, и они формулируются посредством понятийного аппарата точных наук, и здесь возникает принципиальный вопрос: применима ли синергетика для анализа извечной философской проблемы свободы человека, приложима ли она к процессам его культурно-исторического становления как существа свободного и творческого? Можно в этом увидеть возрождение редукционизма, сведение трудноуловимой сущности человека к универсальным естественнонаучным схемам. Тем не менее, «корректное осуществление синтагматического переноса концептуально-понятийного аппарата синергетики из физико-математических наук в общественные – дело трудное, но совершенно необходимое», – пишет А.П. Назаретян [1], поскольку это становится мощным фактором сближения естествознания и человекознания и позволяет нащупать основу для построения универсальной эволюционной картины мира. При этом присущий классической науке редукционизм при интерпретации эволюционно высших форм взаимодействия отчасти компенсируется противоположной тенденцией: низшие формы взаимодействия рассматриваются с точки зрения их эволюционного возвышения. Такой подход смягчает противопоставление парадигм причинной и целевой детерминации, субъектного и объектного подходов, что в свою очередь инициирует формирование постдисциплинарной стадии развития науки.

В условиях таких познавательных установок человек становится центральным элементом научной картины мира, стягивающим воедино многообразные потенции универсума, а не остается, как ранее, на периферии конфигурации мироздания неким малопонятным и случайным фактором и даже, по выражению И. Пригожина, «своего рода «ошибкой». Свободолюбивые амбиции человека здесь не могут получить, конечно, адекватного обоснования как отклика на зов универсальной эволюции в ее поисках неординарных форм самоорганизации. Напротив, постнеклассическая наука, пронизанная идеей самоорганизации, принимает факт существования человека как наиболее достоверный и исходит из него для построения универсальной теории.

На философском уровне синергетического знания идеи самоорганизации дают возможность войти в смысловую плоскость предельных оснований человеческого бытия со стороны его онтологических предпосылок, выявить его особенности и перспективы. В литературе уже существует мнение о формировании философии самоорганизации. Как замечают В. Аршинов и Я. Свирский, есть все основания полагать, что понятийный аппарат синергетики станет источником рождения новых образов и представлений и в самой науке, и в философских интерпретациях ее достижений [2], нацеленной на осмысление бытия человека в структуре самоорганизации универсума.

Одними из главных принципов синергетики являются принципы становления и свободы [3], в свою очередь являющиеся стержневыми темами философии на протяжении всей ее истории. Синергетическое знание достигает высшего уровня обобщения в форме философии, что отмечается в ряде работ специалистов, работающих в этой области [4].

Принцип свободы и идея присутствия субъекта в картине становления составляют в этих работах одно из расширений синергетической парадигмы и дают возможность и право использования ее методологических и мировоззренческих посылок для анализа проблемы свободы человека в контексте действия универсальных механизмов самоорганизации и выявления особенностей направленной самоорганизации бытия человека.

Понятно, что здесь теория самоорганизации выходит на уровень философской рефлексии, пытаясь выявить глубинные источники гармонии, целесообразности мироздания, заключенной в ней творческой потенции, так ярко проявляющейся в свободе человека.

Парадигма самоорганизации влечет за собой, как показывают И. Пригожин и И. Стенгерс, новый диалог человека с природой [5]. Она приводит также к новому диалогу человека с самим собой и окружающими его людьми. Она кладет основания для анализа нового этапа откровения универсума в адрес его неординарного агента – человека. Самоорганизация человеческого бытия есть продолжение естественной самоорганизации природы, но в иных сверхприродных, культурно-исторических обстоятельствах. Источники и механизмы самоорганизации здесь во многом формируются самим человеком и им определяются. Слепой инстинктивный выбор, характерный для животного мира, вытесняется выбором сознательным, целенаправленным, сопряженным с ответственностью. Выбор человека неизмеримо шире, и ответственность возникает не только за предпочтительный шаг, но и за нереализованные другие варианты, которые закрываются с момента сделанного выбора.

Нелинейная ситуация, ситуация бифуркации путей эволюции или состояние неустойчивости нелинейной среды, чувствительности ее к малым воздействиям связаны с неопределенностью и возможностью выбора. Осуществляя выбор, субъект ориентируется на один из собственных, определяемых внутренними свойствами среды путей эволюции и вместе с тем на свои собственные предпочтения. Он выбирает наиболее благопри-

ятный, с его точки зрения, для себя путь, который в то же время является не единственным из возможных в данной нелинейной ситуации.

Если признать отсутствие «божественной точки зрения», то выбор полностью лежит на человеке – такой универсум его бытия весьма отличен от классического образа мира, но он легко соотносим с современной физикой и космологией и новой рациональностью с ее идеями нестабильности и неопределенности будущего. «На что способно человечество, не может быть никакой определенности – поскольку, в конечном счете, все зависит от его свободной воли», – замечает К.С. Кисилев [6]. Эти идеи ставят под большое сомнение претензии на полный контроль над какой-либо сферой реальности, любые возможные мечтания об абсолютно контролируемом обществе и управляемом человеке. Реальность вообще не контролируема в смысле, который был провозглашен прежней наукой.

Решающим условием самоорганизации любых экономических, социальных и гуманитарных систем является постепенный, эволюционный процесс формирования спонтанного порядка и новой структуры в ходе многовекового процесса проб и ошибок, где каждый шаг к успеху подкрепляется практикой, достижением лучших условий социальной жизнедеятельности людей. Такой порядок возникает в результате неявной координации, согласования деятельности, в результате столкновения интересов и целей, а также их совпадения. Он возникает непреднамеренно, и его структуру нельзя вывести только из необходимости. Постепенный эволюционный отбор способствовал внедрению таких отношений норм поведения, обычаев и традиций, которые наилучшим образом соответствовали изменившимся условиям существования и жизнедеятельности людей. Приобретаемый таким образом социально-исторический, экономический, культурный и нравственный опыт закреплялся в традициях и путем подражания и обучения передавался от поколения к поколению. Именно на основе этого опыта и традиций постепенно возникли

такие институты общества, как мораль, право, язык и т. д.

Самоорганизация немислима без спонтанности, в основе которой трудно найти явно выраженные причины. Самоорганизация человека и спонтанность его активности нераздельны, свобода может быть понята как спонтанность активности человека, выходящей за рамки следования внешнему принуждению и тяготеющей отнюдь не к общепринятым шаблонам, и которая может проявляться в различных сторонах его натуры: в чувственно-эмоциональной, интеллектуальной, а также в волевой сфере, между которыми нет жестких непроницаемых границ. Они взаимопереплетаются, взаимобусловливают друг друга, отражая целостность, неделимость, монадность каждого индивида, подпитывая источники его свободного самоопределения. «...Спонтанная активность возможна лишь в том случае, если человек не подавляет существенную часть своей личности, если разные сферы его жизни слились в единое целое», – писал Э. Фромм в «Бегстве от свободы» [7].

Спонтанность невольно связывается с представлением о сознании, ибо только сознание может действовать свободно – независимо от причинно-следственных связей. Обращение к спонтанности – это протест против односторонности заданного нами самими логизированности мира, утверждение нелинейности мышления. Синергетика расширяет познавательную базу мышления, придает ему открытость и гибкость за счет того, что вскрывает источники самодвижения и свободной активности материи, которые проявляются по нелинейным законам, с конструктивным участием случайности, индивидуальности в творческом становлении мира человека в ситуации неустойчивости с возможностью многовариантного выбора в области бифуркации. Неустрашимая роль случайности, значимость малых факторов делают недостаточными только лишь логические предпосылки выбора. Полнота картины возможна посредством взаимодополнения образов, метафор, сохраняющих открытость отчасти неопределенных ощущений, мыслеобразов и логических понятий.

О значении синергетики в формировании нового стиля мышления неоднократно говорится в научной и философской литературе [8]. С нашей точки зрения, нелинейное мышление более адекватно логике движения универсума, оно несет в себе интенциональную неопределенность, предостерегающую от односторонних, категорических суждений, так милых формальной логике, от линейных ассоциаций и выводов, усматривая условность и неполноту рассуждений, построенных на однозначности причинно-следственных связей, предполагающих возможность единственных решений и малозначимости случайных воздействий и факторов. Между тем человек постоянно сталкивается с одноразовыми, невоспроизводимыми событиями и явлениями, не укладывающимися в эти причинно-следственные цепи. Так, несовершенство правовых отношений заключается в том, что юридические законы не в состоянии охватить и учесть бесконечное разнообразие жизненных ситуаций человека, поэтому, обедняя и выхолащивая индивидуальное, они стремятся подвести их к общим, обезличивающим нормам.

Нелинейное мышление становится характерной чертой современной методологии гуманитарных и социальных наук, и здесь оказываются продуктивными категории синергетики. Такое мышление требует несравненно большего количества информации и больших интеллектуальных усилий, что вообще отличает научное рассуждение от обыденного, более зависимого от сиюминутных настроений, различного рода предрассудков. Можно ожидать, что мощным инструментом нелинейного гуманитарного мышления в недалекой перспективе станут компьютерные программы, предназначенные для подсчитывания гипотетических вариантов развития при различных ключевых событиях [9].

По всей вероятности, для ментальных систем сохраняет силу известный из теории элементов систем принцип необходимого разнообразия. Сложные системы тем устойчивее, чем выше их разнообразие. Ибо в разнообразии элементов потенциально содержатся формы приспособления к различным вариантам будущего. Разнообразие системы

делает ее устойчивой к многовариантному будущему. Известно, что на всех исторических этапах развития природы ее исходное разнообразие было больше, чем это было необходимо для дальнейшего динамического развития. Аналогично можно было бы предположить, что нелинейное мышление имеет больше степеней свободы, поскольку основывается на некоем излишке разнообразия элементов знания и опыта (имеет то, что В.П. Зинченко называет «избыточностью» сознания). Это позволяет «прокручивать» в голове гораздо больше вариантов, с большей палитрой ценностного контекста, что при первоначальной расточительности, неэкономии творческого мышления оборачивается в итоге выигрышем – большей плодотворностью и жизнеспособностью его результата.

Если нарушается принцип необходимого разнообразия элементов, то система вырождается и идет к гибели. Выращивание монокультуры знания и ценностей ведет к снижению креативных возможностей человека и мышления, к его догматизации, зашоренности стереотипами и банальностями, что оборачивается малой эффективностью и даже вредностью принятых решений. Напрашивается предположение, что рост разнообразия элементов влечет усиление неустойчивости системы, хотя это должно иметь свой порог оптимальности.

Неустойчивость, ослабляя наличные связи, увеличивает степень независимости, свободы, тем самым создавая благоприятные условия для активизации самоорганизации, поиска наиболее благоприятных вариантов выбора. Состояния неустойчивости характеризуются ослаблением имеющихся связей, в результате чего система чутко реагирует на малейшие возмущения. Заметим, что движение неустойчиво, если малые отклонения вызывают большие действия. Структуры неустойчивы, если малые воздействия на них вызывают их качественную перестройку. Тем самым состояния неустойчивости порождают относительную независимость, которая в свою очередь стимулирует внутреннюю активность. С этой точки зрения процессы самоорганизации с участием человека, да и в самом человеке тоже, обретают

творческие импульсы в состоянии неустойчивости, неопределенности жизненных и ценностных установок. Вспомним высказывание Ф. Ницше: «Надо носить в себе еще хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду» [10]. В общеэволюционном плане человек своим бытием ослабляет природные необходимые связи, всеобщую детерминированность процессов, вторгается в них. С одной стороны, здесь реализуется его свобода, с другой, увы, – порождаются серьезные цивилизационные проблемы.

Случайность и неопределенность лежат в основе природы вещей, они могут порождаться нашим незнанием прошлого, специальной структурой детерминированных алгоритмов и многими другими факторами. Но случайность и неопределенность могут быть и «по существу». А детерминированность появляется как некоторый акт усреднения при переходе от микроописания к макроописанию. Об этом говорит принцип неопределенности Гейзенберга, который не позволяет с достаточной точностью фиксировать и положение частицы, и ее импульс. И эти неопределенность и стохастичность пронизывают все мироздание, включая человека. Вспомним, например, что интенсивность мутагенеза зависит от температуры, которая в конечном итоге определяет уровень хаоса, порожденного энергией случайного блуждания молекул. А человек с его непредсказуемыми эмоциями, невероятным разнообразием вариантов поведения в одних и тех же условиях? Ведь это проявление одного и того же начала – стохастичности и неопределенности, свойственных природе. Человек обладает способностью к высшей разумной самоорганизации, но разум человеческий, не сориентированный на высшие ценности, имеет и теневую сторону, поэтому эта способность дана человеку не как имманентное свойство, а как потенция, которая может осуществиться, а может – и нет. Бесцельных случайностей в мире нет – все они включаются в механизмы самоорганизации: случайность фундаментальна, благодаря ей события имеют такой строй, который обеспечивает поиск, пробу и отбор возможных вариантов ситуации, в которых человеку отведе-

на не последняя роль, хотя сам человек, возможно, всего лишь один из вариантов универсума на пути самоорганизации, самопознания и творчества. Будущее разума в лице человека зависит от него, насколько его решения будут отвечать ожиданиям универсума. Голос природы невнятен, и остается лишь верить, «что сама жизнь, полная зла, каким-то внутренним процессом самоочищения, самопреодоления, с помощью сил, растущих из нее самой, спасет себя, что мировая бессмыслица в лице человека победит сама себя и насадит в себе царство истины и смысла», замечает С.Л. Франк [11].

А.П. Назаретян выдвигает идею о провоцировании неустойчивости как имманентном свойстве поведения [12], имеющей, на наш взгляд, фундаментальное значение в перманентном становлении и справедливой в отношении отдельного человека и в отношении к социальной системе. Оптимальное, по мысли Е.А. Седова, соотношение порядка и дезорганизации (у него – 4 / 1) позволяет и системе, и ее отдельным элементам (индивидуумам) чувствовать себя наиболее комфортно и стабильно в состоянии предельной близости к идеалу [13]. Но путь к нему – не прямолинейное, однозначно детерминированное движение: в связи с воздействием на систему многочисленных и разнообразных факторов сам идеал подвижен, «неравновесен», но он всегда есть. Он выступает как причина структурирования сложных объектов и, в конце концов, как причина наступления кризиса и наступления хаоса. Этот «парадокс» – появление планетарного объективного закона развития всего живого на Земле: порядок через хаос, организация через дезорганизацию, жизнь через смерть. Неустойчивость, неопределенность, однако, имеет, как и все в этом мире, свою меру, нарушение которой опасно и деструктивно.

Какое место занимает человек в формировании порядка в цепи эволюционных процессов как составляющая универсума, которая возникла на путях его самоорганизации, как высшая форма самопознания и творчества? Н.Н. Моисеев пишет: «Пусть в ничтожной части универсума, но уже создаются принципиальные возможности качественно

иных механизмов самоорганизации, отличных от тех, которые до сих пор определяли его развитие. Этот факт принципиального изменения характера эволюции имеет огромное мировоззренческое значение» [14]. Самоорганизующийся универсум, лишенный стабильности, но не целостности, единства, естественным образом испытывает один из своих вариантов – человеческий, который не может быть дуальной реальностью двух противоборствующих тенденций. «Наблюдается сближение внутреннего и внешнего миров, что, вероятно, является одним из важнейших культурных событий нашего времени» [15].

Таким образом, самоорганизация универсума не является чем-то внешним по отношению к человеку. Человек находится в ее русле, реализует высшие формы самоорганизации, является их проводником, сам во многом определяет эти формы. Для него отсутствуют жесткие ограничения, перед ним открыто множество путей, отвечающих его истинной природе стать подлинно свободным существом. И свобода в универсуме может возрастать через свободу человека. Свобода порождает большую свободу (М.К. Мамардашвили), и в этом выражается смысл становления человека, его универсальной целесообразности. В таком понимании человек есть вектор универсальной эволюции, где он не является беспомощным агентом, а скорее главным средоточием игры сил универсума.

Необходимая включенность человека и его жизнедеятельности в универсальный мировой процесс вовсе не означает фатализма. С точки зрения зыбкого положения человека в контексте современных цивилизационных проблем слова Спинозы: «Я считаю непозволительным для себя смеяться над природой, а еще менее позволительным оплакивать ее... люди только суть часть природы... Я считаю человеческое тело частью вселенной. Что касается человеческой души, то и ее я тоже считаю частью вселенной...» [16] приобретают иной смысл. Единство универсума и человека так или иначе заставляет последнего следовать общим тенденциям самоорганизации и помнить, что он выступает здесь в качестве особой беспрецедентной свободной силы, способной направлять

энергию самоорганизации в соответствии с принципами свободы, творчества и блага, доказывая тем самым оправданность разумной самоорганизации в лице человека.

С синергетической точки зрения будущее человека никак не предзадано. В грандиозном котле мировой самоорганизации человек – всего лишь одно из проявлений ее множества вариантов, возможно с тупиковым финалом. Чтобы этого не произошло, свобода человека должна сделать правильный выбор, характер которого сегодня обозначился как глобальный. Идет проверка эффективности разумной самоорганизации в лице человека: способна ли она утвердиться в бесконечно многообразных процессах мироздания, далее приумножая его многообразие и палитру смыслов, в поисках высших приложений человеческого духа.

Человеческая энтропия (или, словами А.П. Назаретяна, технико-гуманитарный дисбаланс), сопровождающаяся духовной деградацией, может быть обуздана только самим человеком, выбирающим высшее человеческое – умение и желание жить в гармонии с окружающим миром и с самим собой. Человеку, обреченному на монополизм, свобода дана как результат самоорганизации универсума и может утверждаться только в деятельности, в активности человека или не реализоваться совсем. Свобода сама самоорганизуется через наращение человеческого в человеке, само человеческое неотделимо от свободы, получающей мощный импульс в его деятельности, и нацелена на преодоление неаутентичных человеческих качеств и устремлений в пользу утверждения более совершенных их форм. Здоровая толка неопределенности и сомнений в утверждении собственного образа и жизненных предпочтений – залог открытости будущего и свободного развития каждого из нас. Поэтому справедливо будет сказать, что нельзя относиться к человеку как к природному факту, описываемому вполне в духе детерминизма. Человек составляет некоторую самосущную реальность, «не отделимую средствами физического исследования (внешнего наблюдения) от наблюдения сознательной жизни и смысла» [17].

Сама способность к самоорганизации наводит на мысль о разумности природы в том смысле, что самоорганизующаяся тенденция схожа с избирательностью разума. Если это так, то очевидна условность раздвоения универсума на субъект и объект, деления на «высшее» и «низшее», «лучшее» и «худшее». Грубое вмешательство в естественный ход вещей, доступный человеку в силу его универсальности, привычность насилия держат сознание, строй мышления в состоянии линейной функциональности: примитивное понимание реальности, простые незамысловатые действия, ожидание однозначных следствий, озадаченность тем, что «получилось как всегда». Диктат глубоко противоестествен самоорганизации. Осознание этого не может не привести к структурным изменениям в чем бы то ни было: в целеустановках, в поведении, в языке, в отношениях людей друг к другу, в самоидентификации человека и во многом другом, связанном с психофизической структурой человека.

Если все самоорганизуется, то есть выбирает наиболее удобный для себя путь, то человек своим вмешательством может помешать этому процессу, но может и помочь, угадав характер изменений, воздействуя точно на тонкую материю (акупунктура). Поэтому синергетики и видят главное – не в силе, а в правильной топологической конфигурации, архитектуре, резонансном воздействии на сложную среду (С.П. Курдюмов). То есть самоорганизующаяся Вселенная или Эволюция предоставляют свободу выбора, рассчитывают на поддержку разума человека, но разума не инструментального, а универсального, нацеленного на поддержание системных взаимосвязей универсума и человека, способного переводить тепло Солнца в тепло и благо человеческой действительности. Эволюция, таким образом, сама по себе, самоорганизуясь, тяготеет к свободе через усложнение, диверсификацию, игру и соперничество различных тенденций в выборе и утверждении различных векторов развития, и человек оказывается в узловых точках этих процессов.

Самоорганизация бытия человека осуществляется на беспрецедентной основе – его

свободе, пронизанной сознанием, волей, а также игрой чувств, воздействующими часто на решение человека решающим образом. Свобода позволяет человеку, с одной стороны, не быть игрушкой в руках объективных, надличностных сил, но, с другой – не предоставляет ему всевластия абсолютного творца, конструирующего мир по своему усмотрению. Человек вынужден быть учеником природы, гармонизирующим свое бытие по законам универсального миропорядка. Но в неравновесном, нестабильном мире свобода человека является мощным дестабилизирующим фактором в пределах все расширяющихся возможностей, источником беспрецедентных форм и феноменов самоорганизации, способных не только поднять его на ошеломляющие высоты, но и похоронить. В поисках путей самосохранения необходимо мировоззренческое возвышение человеческих целей и смыслов до уровня смыслов универсума, чтобы человек мог рационально-практически и духовно-нравственно опереться на ясное понимание синхронности и иден-

тичности законов самоорганизации в природе, социуме, культуре, развитии психической сферы. Сама же свобода не должна пониматься как источник власти над миром, а как сила, обязывающая к внутреннему возвышению человека, познающего и чувствующего, стремящегося восстановить внутреннюю связь с реальностью, с универсумом.

Синергетика способна на поиск основной единства мира в свободе как главного условия встраивания в универсум человека, помочь ему определить пути преодоления разрыва между бытием и становлением, сущностью и существованием, природным и трансцендентным. Она инициирует поиски онтологических оснований свободы, на которых зиждется и развивается древо свободной деятельности человека и его духа. Свобода предоставляет человеку различные пути, в том числе и альтернативные. Она дает ему возможность, преодолев издержки безоглядного развития, вернуться к тем основам бытия, которые отвечают его изначальной подлинной сущности микроуниверсума.

Список использованной литературы:

1. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. – М.: ПЕР СЭ, 2001. – С.102.
2. Аршинов В.И., Свирский. Философия самоорганизации. Новые горизонты // *Общественные науки и современность*. – 1993. – №3. – С.59–71.
3. Аршинов В.И., Войцехович В.Э. Синергетическое знание: между сетью и принципами // *Синергетическая парадигма*. – М.: Прогресс – Традиция, 2000. – 536 с. – С. 107–120.
4. Буданов В.Г. Трансдисциплинарное образование, технология и принципы синергетики // *Синергетическая парадигма*. – М.: Прогресс – Традиция, 2000. – С. 285–304; Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И.Пригожиным // *Вопросы философии*. – 1992. – №12. – С. 3–10.
5. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 431 с.
6. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И.Пригожиным // *Вопросы философии*. – 1992. – №12. – С. 3–10.
7. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: Прогресс, 1990. – С. 215–216.
8. Аршинов В.И., Свирский. Философия самоорганизации. Новые горизонты // *Общественные науки и современность*. – 1993. – №3. – С. 59–71; Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: начала нелинейного мышления // *Общественные науки и современность*. – 1993. – №2. – С. 38–51.
9. Назаретян А.П. Синергетика в гуманитарном знании, предварительные итоги // *Общественные науки и современность*. – 1997. – №2. – С. 91–98.
10. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и не для кого /пер. с нем. – СПб: Азбука, 2002. – С. 45.
11. Франк С.Л. Крушение кумиров // *Соч.*: М.: Правда, 1990. – С.111–180.
12. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. – М.: ПЕР СЭ, 2001. – С. 134.
13. Седов Е.А. Информационно – энтропийные свойства социальных систем // *Общественные науки и современность*. – 1993. – №5. – С. 92–100.
14. Моисеев Н.Н. Современный рационализм и мировоззренческие парадигмы // *Общественные науки и современность*. – 1994. – №3. – С. 77–87.
15. Пригожин И. Философия нестабильности // *Вопросы философии*. – 1991. – №6. – С. 46–57.
16. Спиноза Б. Богословско-политический трактат. – М.: Гаиз, 1935. – С. 208.
17. Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. – М.: Новая школа. 1997. – С. 37.
18. Кисилев Г.С. Свобода и эволюция // *Вопросы философии*. – 2005. – №10. – С. 3–15.